

★ ★ ★ ДЖОН ШЕСКА ★ ★ ★

ДРУГИЕ МИРЫ

РЭЙ БРАДБЕРИ, РИК РИОРДАН

★ ★ ★ И ДРУГИЕ ★ ★ ★

Рэй Брэдбери

Другие миры (сборник)

«АСТ»

2013

Брэдбери Р. Д.

Другие миры (сборник) / Р. Д. Брэдбери — «АСТ», 2013

Фантастические истории от самых известных писателей современности рассказывают о далеких мирах, величественных богах и магических таинствах, которые скрывает наша Вселенная.

© Брэдбери Р. Д., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Прежде, чем мы начнем...	6
Рик Риордан	8
Шеннон Хейл	21
Д. Дж. Макхейл	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Джон Шеска

Другие миры. Антология

- © “Before We Begin...” copyright © 2013 by Jon Scieszka
- © “Percy Jackson and the Singer of Apollo” copyright © 2013 by Rick Riordan
- © “Bouncing the Grinning Goat” copyright © 2013 by Shannon Hale
- © “The Scout” copyright © 2013 by D. J. MacHale
- © “Rise of the RoboShoes™” copyright
© 2013 by Tom Angleberger © “The Dirt on Our Shoes” copyright
© 2013 by Neal Shusterman
- © “Plan B” copyright © 2013 by Rebecca Stead
- © “A Day in the Life” copyright © 2013 by Shaun Tan
- © “The Klack Bros. Museum” copyright © 2013 by Kenneth Oppel
- © “The Warlords of Recess” copyright © 2013 by Eric Nylund
- © “Frost and Fire” copyright © 1946 by Love Romances, Inc.
- © Illustrations copyright © 2013 by Greg Ruth
- © А. Осипов, перевод на русский язык, 2014
- © ООО «Издательство АСТ», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Прежде, чем мы начнем...

Как по-вашему, что случится, если на вашей школьной площадке приземлится армия инопланетных захватчиков?

Или если вы украдете доспехи старшего брата и убежите из дому, а единственным способом добыть себе еду будет заделаться очень крутым и даже, возможно, владеющим магией вышибалой в деревенской харчевне?

Или если роботизированная обувь, обладающая искусственным интеллектом, объединится и восстанет против своих хозяев?

А случится то, что вы окажетесь по уши в отличной фантастике, как научной, так и не очень. Вот так-то.

Вся художественная литература, все байки и побасенки отвечают на этот сакраментальный вопрос: «А что, если?..» Но фэнтези и научная фантастика идут еще на шаг дальше: они берут законы реальности и творят с ними, что захотят. Они позволяют нам вообразить это самое «А что, если?..» в совершенно других, небывалых мирах.

Именно поэтому хорошая фантастика и фэнтези так занимательны и так здорово расширяют горизонты.

Первые прочитанные мною в жизни фантастические рассказы написал один парень по имени Рэй Брэдбери. Может быть, вы его знаете. Книга рассказов называлась «Человек в картинках». Там татуировки на теле героя оживали и принимались рассказывать истории о черном-пречерном доме, о солдате с Марса, об астронавтах, выброшенных на Венеру, об агентстве путешествий во времени и еще о целой куче безумных, странных, прекрасных вещей.

Рэй Брэдбери умер в 2012 году. Мне ужасно жаль, что мы так никогда и не встретились, – мне очень хотелось поблагодарить его за рассказы, после которых я стал читать Айзека Азимова, Артура Кларка, Л. Спрега да Кампа, Эдгара Риса Берроуза, Филиппа Дика, Дж. Р. Р. Толкиена, Терри Пратчетта, Жюль Верна, Г. Лавкрафта, Роберта Хайнлайна и многих, многих других.

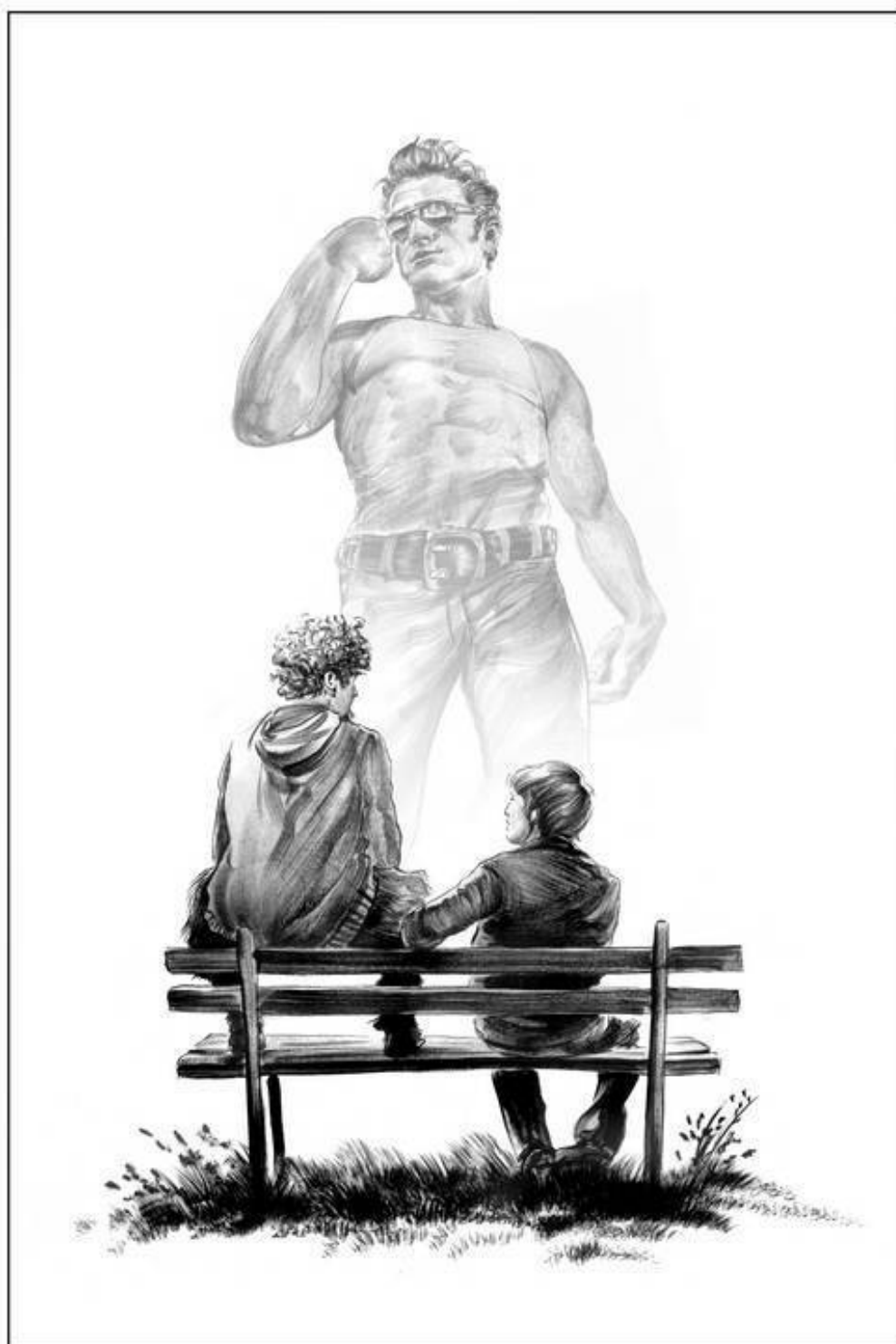
В наши дни появились еще сотни совершенно замечательных авторов, пишущих в жанрах фэнтези и научной фантастики. Кто, например? Переверните страницу и посмотрите на содержание этой книги. Мы отобрали для вас букет лучших из лучших. Отличный коктейль из всемирно известных писателей, которых вы уже наверняка знаете, вперемишку с совсем новыми, которые станут для вас настоящим сюрпризом.

Кроме того, в этом томе есть кое-что особенное. Это рассказ мистера Брэдбери «Огонь и лед». Так мы решили отдать дань уважения человеку, который вдохновил не только меня, но и многих других писателей и читателей.

Спасибо вам, Рэй Брэдбери!

Спасибо всем вам, писатели-фантасты, творцы иных миров!

Джон Шеска

Рик Риордан

Перси Джексон и певица аполлона

Да знаю я, что вы собираетесь спросить.

«А поведай-ка нам, Перси Джексон, с какой радости ты висишь без штанов на билборде посреди Таймс-сквер, чтобы вот-вот полететь вниз, навстречу смерти?»

Отличный вопрос. За ответами прошу обращаться к Аполлону, богу музыки и поэзии, стреловержцу и прочая, и прочая, – а еще, вдобавок, богу идиотских поручений.

Эта злосчастная история – одна, надо сказать, из многих – началась с того, что я притащил моему другу Гроуверу ко дню рождения несколько алюминиевых банок.

Так. Наверное, стоит сразу предупредить: я – полубог. Мой папаша, Посейдон, – владыка моря. Звучит, конечно, круто, но на практике по большей части означает только одно: на меня постоянно нападают какие-то чудовища, а греческие боги беспардонно заваливаются с визитом то в вагоне метро, то посреди урока по математике, то когда я душ принимаю. (Долгая история. Лучше не спрашивайте.)

И только я понадеялся выкроить себе увольнительную из этого сумасшедшего дома и смотаться на день рождения к Гроуверу, как вот вам, пожалуйста.

Гроувер и его подружка, Можжевелка, решили провести этот день в бруклинском Проспект-парке – слияние с природой, танцульки с местными дриадами, серенады белкам и все такое прочее. Гроувер, видите ли, сатир. Так он представляет себе хороший выходной.

Можжевелка, сдается мне, наслаждалась больше всех. Пока мы с Гроувером сидели вдвоем на скамейке, она резвилась на Длинном Лугу с другими природными духами. Глазки ее – цвета свежего хлорофилла – так и сверкали от радости. Можжевелка – дриада, и источник ее жизни – можжевеловый куст на Лонг-Айленде. Гроувер мне объяснил, что это не мешает ей совершать короткие вылазки из дома, при условии что карманы у нее набиты можжевеловыми ягодами. Что будет, если она их случайно раздавит, я спрашивать не рискнул.

Как бы там ни было, мы тусовались в парке, болтая и наслаждаясь хорошей погодой. Я выдал имениннику припасенные алюминиевые банки. Да, звучит как издевательство, но на самом деле это его любимое лакомство.

Так вот, Гроувер хрустел себе банками, а нимфы тем временем затеяли спорить, в какие бы подвижные игры нам поиграть. Мой друг вытащил откуда-то платок и предложил сыграть в «Приколи Хвост человеку»¹. Я немного заволновался, так как человек в этой компании был только один – угадайте, кто.

А потом безо всякого предупреждения солнечный свет вдруг стал нестерпимо ярким, а воздух – неприятно горячим. В двадцати футах от нас трава зашипела и исторгла облако пара, будто кто-то открыл большой гладильный пресс в прачечной. Потом пар рассеялся, и перед нами предстал бог Аполлон собственной персоной.

Вообще-то боги могут выглядеть как им заблагорассудится, но Аполлон почему-то всегда выбирает облик типа «я только что с прослушивания в бойз-бенд». Сегодня он принарядился в джинсы со штанинами в карандаш шириной, облегающую (даже слишком) белую футболку и солнечные очки в золотой оправе. Конечно, брендовые. Волнистая белокурая шевелюра так и лоснилась от геля. Когда он улыбнулся, дриады пискнули и захихикали.

– О, нет, – пробормотал Гроувер. – Не к добру все это, не к добру.

¹ «Приколи хвост» – традиционная детская игра, известная примерно с начала XIX века. На стену прикрепляется картинка с осликом без хвоста, игроку дают бумажный хвост с булавкой, завязывают глаза, раскручивают и велят вслепую подойти к картинке и приколоть ослинку хвост. Результаты возможны самые неожиданные. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

– Перси Джексон! – возгласил Аполлон, озаряя меня улыбкой. – И, гм, твой козловидный друг...

– Его, между прочим, зовут Гроувер, – сообщил я. – И у нас в некотором роде выходной. Сегодня у Гроувера день рождения.

– Поздравляю! – просиял бог. – Очень хорошо, что вы сегодня совершенно свободны! Значит, найдется время, чтобы помочь мне разобраться с одной маленькой проблемкой.

С маленькой, как же!

И Аполлон отвел нас с Гроувером в сторонку – потолковать наедине. Можжевельке это не особо понравилось, но перечить богу она не решилась. Гроувер клятвенно заверил ее, что сей же час вернется в целостности и сохранности. А я только понадеялся про себя, что это обещание он сдержать сумеет.

Мы отошли на опушку парка.

– Позвольте представить, – повернулся к нам светonosный, – мои *Хризеи Келедонес*.

И он щелкнул пальцами.

Земля выплонула еще облако пара, и в нем явились три золотые женщины. То есть золотые в буквальном смысле. Их металлическая кожа так и сияла. Золотой ткани, пошедшей на скромные платья без рукавов, хватило бы, чтобы спасти от банкротства небольшую компанию. Золотые кудри были элегантно забраны в классический «пчелиный улей» на макушке. Леди были одинаково прекрасны и одинаково ужасны, как из какого-нибудь божественного инкубатора.

Автоматоны – живые статуи – я видал уже не один раз. Красивые или нет, они почти всегда пытались меня убить.

Я на всякий случай отступил на шаг.

– Как-как ты сказал? Хрисси Келли... чего?

– *Хризеи Келедонес*, – великодушно повторил бог. – Золотые певицы. Это моя группа бэк-вокала.

Я искоса глянул на Гроувера: вдруг это такая шутка, а я до сих пор не врубился. Тот, однако, не смеялся. Он таращился на золотых дамочек, раскрыв рот, будто ему показали самую большую, самую вкусную на свете алюминиевую банку.

– Так, значит, они настоящие...

Аполлон милостиво улыбнулся.

– Ну, мне их сделали уже много веков назад. Сами понимаете, если такое слишком часто выводить на публику, очарование новизны быстро улетучится. Все это время я держал их у себя в Дельфах. Это настоящий рок, чуваки, вот что я вам скажу! Они способны взорвать любой храм! Конечно, теперь я использую девочек только по особым случаям.

Глаза у Гроувера заблестели слезами благодарности.

– ...и ты привел их ко мне на день рождения?

– Да нет же, идиот! У нас концерт сегодня на Олимпе. Там будут все! Музы на разогреве, а дальше выйду я с миксом из старых хитов и нового материала. Ну, то есть, строго говоря, *келедонес* мне не нужны – у меня и с сольной карьерой все в порядке. Но публика жаждет кое-чего из классики, с девочками, – «Дафна, ты всегда со мной», «Лестница на Олимп», «Не плачь по мне, Атлантида». Это будет реально круто!

Я изо всех сил делал вид, что меня не тошнит. Мне уже доводилось внимать поэзии Аполлона, и если музыка хотя бы вполтину так же дурна, концерт вылетит в трубу со свистом – даже Эол, отец ветров, не сделал бы лучше.

– Отлично! – подытожил я не совсем искренне. – Так в чем проблема-то?

Небесная улыбка Аполлона как-то сразу подувала.

– Слушай!

Он повернулся к золотым леди и поднял руки на манер дирижера. По его мановению девушки издали хоровое: «Л-а-а-а-а-а!»

Это был всего лишь вокальный аккорд, один-единственный и совсем простой, но этот звук наполнил меня острым блаженством. Я вдруг позабыл, где нахожусь и чем только что занимался. Даже если бы золотые певицы решили сей же час разорвать меня на кусочки, я бы не стал сопротивляться – при условии, что они продолжали бы петь. В мире больше не было ничего, ничто не имело значения – кроме звука.

Потом роботы замолчали. Наваждение схлынуло. На меня глядели три прекрасные, ничего не выражающие металлические маски.

– Это... – мне пришлось сглотнуть, – это было изумительно!

– Изумительно? – Аполлон пренебрежительно сморщил божественный нос. – Да их же всего только три! Звук пустой, плоский. Я не могу выступать без полного квартета.

Гроувер тем временем давился слезами восторга.

– Они бесподобны! Они идеальны!

Хорошо, что Можжевелька нас не слышит, она девушка ревнивая.

Аполлон внушительно скрестил на груди загорелые руки.

– Нет, они не идеальны, господин сатир! Мне нужны все четыре, или концерт полетит в тартарары. К несчастью, моя четвертая келедона с утра в самовольной отлучке. Нигде не могу ее найти.

Я поглядел на золотых автоматов, спокойно вззирающих на Аполлона в ожидании приказаний.

– Гм... как вообще бэк-вокалистка может самовольно куда-то отлучиться?

Аполлон сделал еще один дирижерский жест, и певицы вздохнули на три голоса. Это прозвучало так скорбно, что сердце у меня упало куда-то в желудок, спасаясь от разрыва на месте. Мне показалось, что я никогда, никогда больше не буду счастлив. Затем ощущение рассеялось – так же быстро, как первое.

– А на них гарантия кончилась, – объяснил Аполлон. – Гефест сделал их для меня уже довольно давно, и они всю дорогу отлично работали... пока не вышел гарантийный срок в две тысячи лет. И сразу же – БАБАХ! Четвертая рехнулась и сбежала в город.

Он неопределенно махнул рукой куда-то в сторону Манхэттена.

– Я, конечно, попробовал предъявить претензии Гефесту, а он такой: «Вы приобретали пакет Защита-Плюс вместе с товаром?» А я: «Да пошел ты со своей дурацкой продленной гарантией!» А у него рожа такая, будто это я виноват, что келедона сломалась, и вот если бы я, дескать, своевременно купил Пакет-Плюс и у меня была бы круглосуточная служба технической поддержки, то...

– Так-так-так, – вмешался я.

Никакого желания лезть в свару бог-против-бога у меня, естественно, не было. Вляпывались уже в такое, спасибо, и не один раз.

– Если ты знаешь, что твоя келедона шарится где-то по городу, почему ты не отправишься сам искать ее? Ты же бог.

– Да у меня времени нет! Мне некогда, нужно репетировать. Надо сет-лист написать, саунд-чек провести... И потом, для этого есть герои!

– ...у богов на побегушках, – пробормотал я недостаточно тихо.

– Ну да! – развел руками блистательный. – Я так думаю, беглая келедона бродит сейчас по Театральному кварталу, ищет, где бы прослушаться. Келедоны – они те же старлетки: мечтают, чтобы их заметили, взяли в какой-нибудь бродвейский мюзикл, все дела. По большей части мне удастся держать их амбиции в узде. Я хочу сказать, не могу же я допустить конкуренции с их стороны! Того и гляди высидят со сцены! Уверен, когда меня нет, бедняжка думает, что она

– новая Кэти Перри². Вы, парни, должны изловить ее, пока она не натворила дел. И побыстрее! Концерт – сегодня вечером, а Манхэттен – остров немаленький.

Гроувер подергал себя за бородку.

– То есть ты хочешь, чтобы мы поймали тебе певицу, пока ты будешь заниматься саунд-чеком?

– Считайте это дружеской услугой, – улыбнулся лучезарный, не уточняя, кто кому ее оказывает. – Не ради меня, конечно, – ради всех смертных Манхэттена.

– Ой, нет. – Голос у Гроувера вдруг стал совсем писклявый. – Ой, нет, ой, нет...

– Да что с тобой? – удивился я. – Чего «ой, нет»?

Несколько лет назад Гроувер провел между нами линию волшебной эмпатической связи (еще одна длинная история), так что мы теперь могли ощущать эмоции друг друга. Это вам не телепатия, но то, что он насмерть перепуган, было очевидно.

– Перси, – проникновенно сказал он, – если эта чертова машинка примется голосить на людях в послеполуденный час пик...

– ...она учинит жуткий хаос, – подхватил бог. – Келедона может затянуть любовную песнь, или колыбельную, или патриотический военный марш, и все, что услышат из ее уст смертные...

Я содрогнулся. Один вздох этих золотых девиц вверг меня в отчаяние, даже при том, что рядом торчал державший их под контролем Аполлон. Перед моими глазами так и встала келедона, запевающая что-нибудь эдакое на запруженной людьми площади, – и тотчас все засыпают, или бросаются друг другу на шею, или затевают общую драку...

– Ее надо остановить, – твердо сказал я. – Но почему мы?

– Вы мне нравитесь! – радостно сообщил Аполлон. – Вы уже имели дело с сиренами. Тут все примерно так же – заткнете воском уши, и все. К тому же твой друг Гроувер – сатир, у него природный иммунитет к волшебной музыке. И на лире он умеет.

– На какой еще лире? – не понял я.

Аполлон щелкнул пальцами. Внезапно в руках у Гроувера обнаружился самый прикольный музыкальный инструмент, какой я когда-либо видел. Внизу – пустой черепаший панцирь (черепаху тут же стало ужасно жалко, она такое перенесла... но не суть). В него воткнуты два полированных деревянных рога, прямо как у быка, а между ними – планка, и семь струн натянуты от нее к днищу. Все в целом смотрелось как странный гибрид арфы, банджо и... ну идохлой черепахи.

– Ой! – Гроувер чуть ее не уронил. – Я не могу! Это же твоя...

– Ага, – сияя, согласился Аполлон. – Это моя личная лира. Если ты ее сломаешь, я тебя испепелю, так что, не сомневаюсь, ты будешь осторожен. Ты же умеешь на ней играть, правда?

– Э-э-э... – Гроувер тренькнул нечто заунывное, похожее на похоронный марш.

– Ты, главное, тренируйся, – успокоил его Аполлон. – Чтобы обуздать келедону, вам понадобится магия лиры. Пусть Перси отвлечет ее, а ты играй.

– Значит, отвлечет... – Задача звучала все поганее и поганее.

Понятия не имею, как эта скорлупка сможет победить золотой автомат... но Аполлон уже хлопал меня по плечу – типа, вот и договорились.

– Отлично! – сказал он. – Встретимся у Эмпайр-стейт-билдинг на закате. Вы приводите келедону, а я так или иначе убеждаю Гефеста ее починить. Только, чур, не опаздывать! Нельзя, чтобы публика ждала. И запомните, чтобы ни царапинки на инструменте, я все проверю!

И солнечный бог вместе со своими золотыми певицами растворился в очередном облаке пара.

² Кэти Перри – американская поп-певица, бывшая старлетка, добившаяся значительного успеха в музыкальной индустрии.

– С днем рождения, дорогой Гроувер! – прохныкал Гроувер и извлек из лиры крайне плачевную ноту.

Мы сели на метро в сторону Таймс-сквер – решили, что это хорошее место для начала поисков. Самая середина Театрального квартала, с кучей самых чудных уличных артистов и примерно так миллиардом туристов: самое то для золотой дивы, желающей привлечь к себе внимание.

Замаскироваться Гроувер не потрудился. На белой футболке у него красовалась надпись: «Что нам скажет Пан?» Из курчавой шевелюры торчали кончики рогов. Обычно свои мохнатые голени он прятал под джинсами, а копыта – под специального кроя ботинками, но сегодня от пояса вниз он был откровенный козел.

Не думаю, что это имело хоть какое-то значение. Большинство смертных не видят сквозь Туманы, скрывающие истинное обличье волшебных существ. Даже безо всякой специальной маскировки людям придется сильно приглядываться, чтобы убедиться, что перед ними сатир. Да и тогда они, скорее всего, глазам своим не поверят. Люди это хорошо умеют – не верить своим глазам. В конце концов, кругом Нью-Йорк.

Пока мы проталкивались сквозь толпу, я обшаривал взглядом местность на предмет проблесков золота. Никакой беглой келедоны в окрестностях, однако, не наблюдалось. Дела на площади шли как обычно. Парень, одетый только в трусы и гитару, фотографировался с какими-то зеваками. Полицейские, скучая, подпирали углы. Перекресток Бродвея и Сорок Девятой Западной был перекрыт: там техническая команда сооружала сцену. Проповедники, спекулянты билетами и лоточники пытались переорать друг друга. Из десятков колонок надрывалась музыка, но никакого магического пения я не слышал.

Гроувер протянул мне комочек теплого воска, чтобы сразу залепить уши, если что, – сказал, у него всегда с собой есть немного, вместо жвачки. Пихать это в уши мне сразу расхотелось.

Тем временем мой друг успел налететь на лоток торговца солеными крендельками и отскочить, сжимая в объятиях Аполлонову лиру, – не дай бог, что случится.

– Ты же знаешь, как пользоваться этой штукой, правда? – спросил я. – Я имею в виду, что за магию она творит.

Гроувер сделал большие глаза.

– Ты что, не в курсе? Да Аполлон же воздвиг стены Трои, просто играя на лире! Если спеть правильную песню, она способна создать практически что угодно.

– Скажем, клетку для келедоны?

– Ну... да!

Голос его звучал не слишком уверенно. Мне со своей стороны как-то не улыбалось, чтобы сатир нарывался на лишние подвиги с этим божественным черепаховым банджо. Нет, Гроувер и сам кое-что умел со своей тростниковой флейтой. В хорошие дни у него даже получалось ускорять рост растений и отводить глаза врагам. Правда, в плохие у него в голове крутился сплошной Джастин Бибер³. Никакого магического эффекта эти мелодии не имели – разве что от них у меня начинала болеть голова.

Надо было срочно придумать какой-нибудь план. Жалко, здесь нет моей подружки, Аннабет. По части планов она дока. К несчастью, ее как раз унесло в Сан-Франциско, навещать папу.

Тут Гроувер схватил меня за руку:

– Гляди!

Я проследил за его взглядом. На той стороне площади на открытой площадке толпились рабочие, устанавливая свет и микрофонные стойки, подключая исполинские колонки – наверное, готовились к предпоказу какого-то мюзикла.

³ Джастин Бибер – канадский поп-певец, очень юный и очень успешный.

Тут-то я ее и увидел. Наша золотая дамочка пробиралась к платформе. Она перелезла через полицейское ограждение, просочилась между рабочими, оставившими ее явление совершенно без внимания, и устремилась напрямик к лестнице на сцену. Обернувшись к запрудившей Таймс-сквер толпе, она улыбнулась, словно предвкушая аплодисменты, которыми та вскоре неизбежно разразится, – и двинулась к центральному микрофону.

– Ой, боги мои! – простонал Гроувер. – Если эти колонки у них подключены...

Уже мчась к сцене, я на бегу запихивал в уши спасительный воск...

Драться с автоматами – та еще радость. А драться с ними в толпе смертных – самый верный рецепт катастрофы. Морочиться о безопасности смертных (и своей заодно) и параллельно выдумывать способы поимки келедоны мне совершенно не улыбалось. Нужно было как можно скорее эвакуировать Таймс-сквер, не учинив при этом масштабную панику.

Ввинтившись в толпу, я схватил за плечо ближайшего полисмена.

– Эй, там президентский кортеж на подходе! – сообщил я ему. – Вам, ребята, лучше бы побыстрее расчистить улицу.

Я ткнул пальцем куда-то в сторону Седьмой авеню. Никакого кортежа там, разумеется, не было, но я изо всех сил постарался как следует его себе представить.

Дело в том, что некоторые полубоги умеют контролировать Туманы. Это значит, они могут заставлять людей видеть то, что им нужно. Не то чтобы я был в этом деле большой мастер, но попробовать стоило. Президентские визиты тут дело обычное – в городе штаб-квартира ООН, все дела, так что, я надеялся, у копа есть все шансы купиться.

Ну, он и купился – поглядел в указанном направлении, увидел выдуманную мной вереницу лимузинов, изобразил на лице омерзение и что-то забормотал в свою рацию. С воском в ушах я не знал, что именно, но прочие копы тут же начали оттеснять толпу в боковые улицы.

К несчастью, келедона за это время успела выбраться на главную сцену. Нам до нее оставалось еще футов пятьдесят. Наша золотая дива сцапала микрофон и постучала по нему пальчиком. «БУМММ, БУМММ, БУМММ», – разнеслось по окрестным улицам.

– Гроувер, – завопил я, – уже давай начинай играть на этой чертовой лире!

Если он что и ответил, я этого уже не услышал: я стремглав мчался к сцене. Рабочие препирались с полицией, так что никто и не подумал меня останавливать. Я вскарабкался по ступенькам, вытащил из нагрудного кармана ручку и свинтил колпачок. В руке тут же возник мой меч, Волнолом, хотя я совсем не был уверен, что он как-то спасет положение. Вряд ли Аполлон сильно обрадуется, если я обезглавлю его бэк-вокалистку.

До келедоны оставалось еще футов двадцать, когда куча вещей решила произойти вся и сразу.

Во-первых, золотая певица взяла ноту, такую мощную, что она пробилась сквозь мои восковые затычки. Голос ее разбивал сердце и наполнял то, что осталось, тоской и надеждой. Даже профильтрованный через воск, он едва не швырнул меня на колени – мне отчаянно захотелось повалиться наземь и залиться слезами. Именно это и сделали несколько тысяч человек на Таймс-сквер. Машины встали как вкопанные. Полиция и туристы повисли друг у друга на шее, рыдая и обнимаясь в поисках утешения.

Тут я ощутил и другой звук – Гроувер, как сумасшедший, терзал струны лиры. Я ничего отчетливо не слышал, но почувствовал, как по воздуху кругами разошлась магия, так что даже сцена у меня под ногами содрогнулась. Спасибо нашему каналу эмпатии, я уловил отблески Гроуверовых мыслей. Он пел про стены, пытаясь создать каменный саркофаг вокруг келедоны.

Хорошая новость: это вроде как сработало. Между мной и келедоной прямо из сцены вверх выстрелила кирпичная стена; она сшибла микрофонную стойку и прервала песню. Плохая: к тому времени, как я понял, что происходит, останавливаться было уже поздно. Я со всей

дури влетел в стену, известки в которой не оказалось, так что мы с кучей кирпичей в едином порыве рухнули келедоне на голову.

У меня слезы вышибло из глаз; кажется я сломал нос. Не успел я вспомнить, кто я и где нахожусь, как келедона выбралась из-под кирпичей и отшвырнула меня прочь – а затем гордо воздела руки к небесам, словно все это был поставленный сценический трюк.

– Та-даааааа! – пропела она.

Микрофон ее больше не подзвучивал, но такому голосу это и не нужно. Смертные живо прекратили рыдать и уже поднимались на ноги, аплодируя певице и подбадривая ее ликующими воплями.

– Гроувер! – проорал я, не уверенный, что он меня вообще слышит. – Быстро играй что-нибудь еще!

Я подхватил меч, кое-как встал и кинулся на золотую деву. С тем же успехом можно было кидаться на фонарный столб. Она проигнорировала меня и затянула новую песню.

Пока я боролся с ней, пытаюсь хотя бы сбить с ног, температура на сцене принялась подозрительно повышаться. Пела келедона на древнегреческом, но мне хватило нескольких знакомых слов: «Аполлон», «солнце», «золотой огонь». Это было что-то вроде хвалебного гимна богу. Металлическая кожа живой статуи раскалилась. Запахло паленым, и после недолгого раздумья я понял, что это моя рубашка.

Я отпрянул назад; моя одежда вся дымилась. Воск в ушах растаял, так что я теперь мог в полной мере насладиться вокалом. По всей Таймс-сквер люди начали падать в обморок, сраженные тепловым ударом.

Неподалеку, у заграждения, Гроувер отчаянно бряцал на лире, но сосредоточиться ему никак не удавалось: с неба падали отдельные кирпичи. Одна из колонок на сцене превратилась в курицу. Прямо под ногами у келедоны возникла полная тарелка острых мексиканских блинчиков с мясом.

– Не работает! – крикнул я ему, корчась от невыносимого зноя. – Про клетки пой! Или про кляпы!

Было уже жарко, как в печке. Если келедона продолжит в том же духе, центр города испечется в момент. Значит, по-хорошему мы не понимаем. Отлично. Когда она затянула следующую строфу, я бросился на нее с мечом наперевес.

Келедона уклонилась с фантастической скоростью. Острие меча прошло в дюйме от ее золотой щеки. Впрочем, песня смолкла, и певице это совсем не понравилось. Она гневно зыркнула на меня и перевела взгляд на меч. Тут же по металлическому лицу пробежала тень страха. Большинство волшебных созданий достаточно осведомлены, чтобы уважать небесную бронзу, способную испарить их одним касанием.

– Сдавайся, и я не причиню тебе вреда, – пообещал я ей. – Мы просто доставим тебя назад, к Аполлону.

Келедона раскинула руки. Я уже испугался, что она сейчас снова заголосит, но чертова кукла вместо этого решила изменить облик. Руки обросли золотыми перьями, физиономия удлинилась и заострилась в клюв. Туловище стремительно уменьшилось, и вот я уже тарасился на упитанную металлическую птицу размером самое большее с куропатку. Прежде чем я успел что-нибудь предпринять, келедона не слишком грациозно взлетела и взяла курс напрямиком на крышу ближайшего небоскреба.

Рядом со мной на подмостки рухнул Гроувер. По всей площади вырубившиеся от жары люди начали приходить в себя. Мостовая все еще дымилась. Полицейские орали какие-то команды, пытаюсь, как могли, расчистить территорию. На нас никто ровным счетом никакого внимания не обращал.

Я смотрел, как золотая птица наворачивает круги и исчезает за самым высоким билбордом на Таймс-Тауэр. Вы, наверное, видели эту башню, хотя бы на картинках: такая высокая, тощая, вся в световых рекламных табло и громадных экранах.

Честно говоря, чувствовал я себя довольно отвратно. Из ушей тек расплавленный воск. Некоторые участки туши вполне годились на стейк средней прожарки. Рожа выглядела так, словно я недавно повстречался с кирпичной стеной... потому что я с ней действительно повстречался. Во рту был медный вкус крови, и, кажется, я с каждой минутой все сильнее ненавидел музыку. И заодно куропаток.

Я повернулся к Гроуверу:

– Ты знал, что эта тварь умеет превращаться в птицу?

– Э-э-э... да. Но я, типа, забыл.

– Отлично! – подытожил я и пнул тарелку с мексиканской едой. – Может, попробуешь в следующий раз вызвать что-нибудь более полезное?

– Прости, – пробормотал Гроувер. – Я когда нервничаю, всегда есть хочу. Так что мы станем делать теперь?

Я устремил взгляд на вершину Таймс-Тауэр.

– Золотая девчонка выиграла первый раунд. Посмотрим, за кем будет второй.

* * *

Вам, наверное, интересно, почему я снова не заткнул уши воском. Во-первых, у меня его больше не осталось. Во-вторых, когда воск плавится и вытекает наружу, это больно. Ну и, возможно, какая-то часть меня принялась выступать: «Какого черта, я же полубог! На сей раз я буду готов. Неужто мне слабо справиться с какой-то там музыкой?»

Гроувер заверил меня, что раскусил лиру. Никаких больше блинчиков и кирпичей с неба. Мое дело было за малым: разыскать келедону, заставить ее врасплох и отвлечь... а вот как – этого я пока и не придумал.

Короче, мы доехали на лифте до последнего этажа и нашли лестницу на крышу. Жалко, что я летать не умею – увы, среди моих талантов такой не числится, а мой знакомый пегас Пират в последнее время на зовы о помощи не отвечал. (Весной он делается немного рассеян и все рыщет по небесам в поисках хорошеньких самочек своего вида.)

Наверху обнаружить келедону особого труда не составило. Уже в человеческом обличье она стояла на краю крыши, раскинув руки, и оглашала Таймс-сквер собственной версией знаменитой «Нью-Йорк, Нью-Йорк».

Терпеть эту песенку не могу. И не знаю ни одного настоящего ньюйоркца, которого бы от нее не тошнило. Но могу вам сказать, что в исполнении нашей героини я возненавидел злосчастный хит еще в сто раз сильнее.

Как бы там ни было, а беглянка стояла к нам спиной. Это давало какое-никакое преимущество. Меня так и подмывало подкрасться сзади и столкнуть ее с парапета, но пользы в этом не было бы никакой: чертовка сильна, в прошлый раз мне ее и с места сдвинуть не удалось. Кроме того, что мешает ей тут же превратиться в птицу и... Так, минуточку. В птицу, говорите?

В голове зашевелилась идея. Да, представьте, и у меня бывают моменты просветления.

– Гроувер, – прошептал я, не оборачиваясь. – Ты можешь этой лирой вызвать птичью клетку? Только действительно крепкую, из небесной бронзы?

Сатир поджал губы.

– Думаю, да, но птиц негоже сажать в клетки, Перси. Птицы должны быть свободны! Им надо летать на воле и... Так-так...

Тут он, наконец, посмотрел на келедону.

– Ну да, – подтвердил я.

Ага, как бы не так. Когда я встретился с первым по ходу движения электронным экраном, ремень мой зацепился за какую-то торчащую из него ферму. Ощущение впившейся мне промеж ног проймы джинсов было неописуемо. Но еще неописуемое оказалось то, что из-за инерции падения меня перевернуло вверх тормашками, так что я самым натуральным образом вывалился из штанов.

И помчался навстречу Таймс-сквер головой вниз и с целеустремленностью Супермена. Правда, в отличие от него, я молотил вокруг руками, пытаюсь хоть за что-нибудь ухватиться. Мне повезло. Вдоль верха следующего билборда шел рейлинг – наверное, для совсем уж рискованных высотных рабочих, любителей подвешиваться на страховочном тросе.

Я умудрился ухватиться за него на лету и перевернуться правильной стороной вверх. Руки мне чуть не выдернуло из суставов, но каким-то образом я сумел удержаться. Тут-то мы и вернулись к тому, с чего начинали. Вот он я, собственной персоной, болтаюсь без штанов на билборде на Таймс-сквер.

Сразу отведу на следующий вопрос, а то вы его, чего доброго, зададите. Боксеры, простые голубые боксеры. Никаких смайликов. Никаких сердечек.

Смейтесь, если хотите. По мне, так они куда удобнее брифов.

Келедона приветливо улыбалась мне с бордюра, в двадцати футах вверх. Чуть ниже с металлической балки свисали мои джинсы, развеваясь на ветру и помахивая штанинами – прощались, наверное. Гроувера нигде видно не было. Музыка смолкла.

Руки у меня слабели. Мостовая маячила футах где-то так в семистах внизу. Лететь долго, кричать тоже. Световой экран постепенно припекал мне живот.

Пока я болтался там, наша келедона решила проводить меня особой серенадой. Она запела о долгожданном отдыхе, о том, чтобы оставить все заботы и отдохнуть на берегах реки. Точный текст я сейчас не припомню, но смысл был именно такой.

Все, что мне оставалось – это держаться. Падать совсем не хотелось, но келедонина музыка окатывала меня со всех сторон, как прибоем, размывала мою решимость. Мне уже виделось, как я легко, будто перышко, лечу вниз... приземляюсь на берегах вальяжно текущей реки... где так славно можно было бы устроить пикник с моей подружкой...

Аннабет.

И я вспомнил, как спас Аннабет от сирен, когда мы с ней бороздили Море Чудовищ. Я держал ее мертвой хваткой, а она плакала, и вырывалась, и пыталась плыть навстречу смерти, потому что впереди ей уже виделись счастливые берега земли обетованной.

Теперь это она держала меня. И она говорила мне в самое ухо: «Водоросли у тебя вместо мозгов, Перси! Это же трюк! Обдури ее сам или умрешь. А если и правда умрешь, я тебе никогда этого не прощу, так и знай!»

Это-то и разрушило чары келедоны. В гневе Аннабет будет страшнее большинства чудищ. Только не говорите ей, что я это сказал.

Я еще раз поглядел на безмятежно развевавшиеся вверх джинсы. Меч в обличье ручки был надежно запрятан в кармане, пользы от него никакой. Где-то за пределами видимости Гроувер снова занял что-то о птичках, но и это не помогло. По всей видимости, келедона обращалась в птицу, только если ее неожиданно испугать.

Погодите-ка...

Идиотский План версия 2.0 забрезжил у меня в голове. Чего только не придумаешь с отчаяния.

– Эй! – заорал я наверх. – Ваша взяла. Вы просто чудо какое-то, мисс Келедона! Я вами восхищаюсь! Можно мне сейчас, на пороге смерти, ваш автограф напоследок?

Келедона умолкла посреди ноты. И удивленно уставилась на меня, а потом улыбнулась от удовольствия.

– Гроувер! – завопил я во все горло. – А ну дуй сюда!

Ли́ра тоже заткнулась. Над краем крыши возникла физиономия сати́ра.

– Ой, Перси... Мне... мне так жаль!

– Да все нормально, чувак!

Я изобразил улыбку, постаравшись параллельно передать ему по эмпатической связи реальное положение дел. Целые связные мысли мне посылать никогда не удавалось, так что я постарался сосредоточиться на самом главном: будь наготове, соображай и действуй быстро. Надеюсь, дружище не протупит.

– У тебя там не найдется ручки с бумагой? – крикнул я ему. – Я хочу перед смертью взять у этой леди автограф.

Гроувера аж перекосило.

– А... Э... нет. Но у тебя в кармане джинсов разве не было ручки?

Самый. Умный. Сатир. На свете. Браво! Отлично схватывает парень.

– А ведь верно! – я умоляюще воззрился на келедону. – Пожалуйста? Последнюю просьбу, а? Не могли бы вы извлечь ручку у меня из джинсов и подписать... да хоть бы их и подписать? Тогда я умру счастливым.

Золотые статуи не краснеют, но келедона выглядела крайне польщенной. Она наклонилась, ухватила джинсы, вытащила их на крышу и достала из кармана ручку.

Я аж дыхание задержал. Никогда еще не видал Волнолом в руках у чудовища. Если она догадается, что дело нечисто, если поймет, что ее пытаются надуть, то может убить Гроувера. Клинки из небесной бронзы и на сатиров отлично действуют.

Дева меж тем изучала ручку, словно никогда ничего подобного не видала.

– С нее нужно снять колпачок, – любезно подсказал я.

Пальцы уже начинали соскальзывать с балки.

Келедона положила джинсы на бордюр рядом с клеткой и отвинтила колпачок. Волнолом обрел жизнь.

Если бы я сейчас не висел над пропастью, то непременно оценил бы картину. Самое смешное, что я видел в жизни, ей-богу. Знаете, бывают такие розыгрыши: банка с конфетами, а под крышкой спрятана свернутая пружиной игрушечная змея?

Ну, вот тут было то же самое, только вместо игрушечной змеи наружу выскочил трехфуртовый меч.

Небесный клинок вырос внезапно и во всю длину. Келедона отшвырнула его и отскочила подальше с отнюдь не музыкальным взвизгом. Естественно, она обратилась в птицу, но Гроувер был тут как тут. Он отбросил Аполлонову лиру и, схватив толстенькую золотую куропатку обеими руками, в мгновение ока запихал ее в клетку и захлопнул дверцу.

Обезумевшая келедона принялась верещать и биться внутри, но места, чтобы превратиться обратно в женщину, не хватало, а в птичьем облике никакой магии у нее в голосе, слава богам, не осталось.

– Отличная работа! – воскликнул я.

Судя по физиономии Гроувера, его должно было вот-вот стошнить.

– Я, кажется, поцарапал лиру Аполлона, – траурно сообщил он мне. – И только что посадил птицу в клетку. Самый отвратный день рождения за всю мою жизнь.

– Не хочу тебя отвлекать, – напомнил я, – но я тут собираюсь сверзиться с небоскреба.

– Ой, мама! – Гроувер подхватил лиру и наиграл бодрую мелодию.

Теперь, когда опасность миновала, а чудовище бушевало в надежной клетке, все проблемы с магией лиры у Гроувера разом кончились. Как это для него типично! Он сотворил веревку и бросил конец мне. Потом как-то умудрился вытащить меня наверх, где я благополучно и рухнул плашмя.

Внизу, под нами, на Таймс-сквер, все еще царил хаос. Там и сям бродили оглушенные туристы. Полиция пыталась остановить последних энтузиастов кордебалета. Горело несколько

машин. От подмостков осталась куча дерева, кирпичей и поломанного звукового оборудования.

За Гудзоном величаво садилось солнце. Все, чего мне сейчас хотелось, – это лежать тут, на крыше, не шевелиться и просто наслаждаться ощущением, что ты жив. Но наша работа еще не закончилась.

– Надо доставить келедону обратно к Аполлону, – сказал я.

– Да, неплохо бы, – согласился Гроувер. – Но... может, сначала штаны наденешь? Вдруг он неправильно поймет.

Аполлон ожидал нас в холле Эмпайр-стейт-билдинг. Три золотые девушки нервно мерили пол шагами у него за спиной.

Увидав нас, он просиял. В буквальном смысле – вокруг головы у него разгорелся яркий нимб.

– Великолепно! – сказал он, хватая клетку с птичкой. – Я отнесу ее Гефесту на починку и на этот раз даже слушать не стану про вышедший гарантийный срок. Мое шоу начинается через полчаса!

– Да не за что, – великодушно ответил я на так и не прозвучавшее «спасибо».

Затем бог принял у Гроувера лиру, и чело его пугающе быстро заволокло тучами.

– Ты поцарапал ее!!!

– Господь Аполлон... – захлопал было Гроувер, так что мне пришлось срочно вмешаться.

– Это был единственный способ поймать келедону, – сурово отрезал я. – К тому же ее можно отполировать. Пусть Гефест этим займется. Он же у тебя в долгу, так?

Пару секунд я был уверен, что Аполлон нас обоих сейчас испепелит.

– Думаю, вы правы, – проворчал он, наконец. – Ладно, парни. Хорошая работа. В качестве вознаграждения вы оба будете допущены на мое выступление на Олимпе!

Мы с Гроувером посмотрели друг на друга. Оскорблять богов опасно, но еще немного музыки сегодня и... Кажется, с меня довольно.

– Мы недостойны, – скромно сказал я. – Мы бы и рады, честно, но вдруг мы взорвемся или еще чего, как только услышим твою божественную музыку, да еще на хорошей аппаратуре.

Аполлон глубокомысленно кивнул.

– И снова вы правы. Если вы там взорветесь, это может помешать ходу концерта. А вы соображаете!

Он довольно ухмыльнулся.

– Ну, тогда я пошел. С днем рождения, Перси!

– Это вообще-то день рождения Гроувера, – поправил его я, но Аполлон и его певицы уже растворились в золотом сиянии.

– Для одного выходного достаточно, – сказал я, поворачиваясь обратно к Гроуверу.

– Ну, что обратно в Проспект-парк? Можжевелка, наверное, вне себя от беспокойства.

– Ага, – согласился я. – И я дико, просто дико голоден.

Гроувер закивал так, что у него чуть голова не оторвалась.

– Если рванем прямо сейчас, успеем захватить Можжевелку и успеть в Лагерь Полукровок к вечерней спевке. У них есть печеньки!

Я вздрогнул.

– Только никаких спевок, пожалуйста. А на печеньки согласен, уговорил.

– Заметано! – воскликнул Гроувер.

– Пошли, друг Г., – похлопал я его по плечу. – Дадим твоему ДР еще один шанс.

Шеннон Хейл

Вышибала «козла-зубоскала»

Когда я доковыляла до города, в желудке у меня уже три дня как повесилась мышь. Доспехи старшего брата тяжело давили на плечи. Его же меч свисал с пояса, царапая землю. Я не нашла ничего лучше, чем запнуться об него и растянуться мордой в лужу. Интересно, думала я, пуская пузыри, если просто остаться лежать тут, я скоро умру?

Полуденное солнце тепло похлопало меня по спине, словно желая ободрить. Я собралась с силами, вылезла из лужи и потащилась дальше, мимо жилых домов, кожаных, сапожных и ткацких лавок – прямо на запах. Сводящий с ума запах еды.

Трактир! С деревянной вывески ухмылялся резной козел.

– Доброго вам дня, сударь! – каркнула я, обращаясь к коротенькому круглому селянину, как раз прибывавшему клочок бумаги на входную дверь.

Уже раскрыв рот, чтобы попросить (да что уж там, скажем прямо – *выклянчить*) каких-нибудь объедков, я бросила взгляд на бумажку и разобрала нацарапанные на ней слова: НАДОБНО ВЫШИБАЛУ.

Вышибалу! Если вышибал кормят, я готова! Строить посетителей в очередь, прекращать потасовки, выкидывать бузотеров за дверь... Справлялась же я как-то аж с девятью братиками и сестричками. Ну, по крайней мере, пока не сбежала из дома.

– Я бы поработал у вас вышибалой, – сказала я почти что басом. – Понимаю, я сейчас на него не очень-то похож...

Я даже попробовала стереть с морды грязь.

– ...но у меня богатый профессиональный опыт.

– М-м-м... когда надо объяснить мужикам, куда им пойти, у чужака может получиться лучше, чем у своего, – протянул коротышка.

Голосок у него оказался на диво писклявым, будто утренняя птичка прощebetала.

– Но с чего это ты взял, что будешь вышибалить лучше, чем предыдущий парень?

– С чего я взял? С чего это я взял?!

Я постаралась сделать негодующее лицо.

Сквозняк принес с кухни целый букет богатых запахов – зажаренная до углей говядина, свиное сало, густая картофельная похлебка, овсяные лепешки. Желудок у меня сжался на размерчик меньше. Нет, я бы в тот момент *что угодно* сказала за жарчку, и надо же было, чтобы первый пришедший в голову вариант оказался...

– Да с того, что я из Старой Лощины!

Коротышка два раза мигнул и отшагнул от меня подальше.

– Из С-с-старой Лощины? Ах ты, боже мой!

Он потер ладошки и зашнырял глазами, тщательно избегая взглядом моей физиономии.

– Конечно-конечно. Из Старой Лощины, говорите? Это нам подойдет. Ах ты, божечки, ну еще бы не подошло!

Доказательств он не потребовал. Да и какой дурак, если рассуждать здраво, решится на голубом глазу врать, что он из Старой Лощины? Тощий мой живот корчило так, что сил на чувство вины категорически не хватало. Потому что на самом деле я была из *Новой* Лощины, что сразу по ту сторону леса, у самых гор. Зато река у нас со Старой была одна, а это ведь чего-нибудь да стоит, правда?

Неправда. Ничего оно не стоило. Я в жизни не видала никого из Старой Лощины – зато слыхала кучу всяких баек. И дерутся они, дескать, на мечях, откованных из горячего света, и глаза у них видят всякую ложь и прожигают тебя насквозь, и превращаются они в живое

пламя и гоняются в таком виде за врагами. Мы-то в Новой Лошине – ребята скучные и неза-мысловатые.

– Ну, добро пожаловать в Гнутую Речку, – молвил мой невысокий друг. – Я прозываюсь Маслобоем. А вас как величать?

У моих братьев имена как на подбор боевитые – Горн, Двин и Кувалда. Одна я у них...

– Искра, – честно сказала я.

Звучит как докучливая мелочь, которую можно прихлопнуть одной рукой – светлячок там или пепелинка от костра. Что ж, могло быть и хуже. Сестричек моих звали Дума, Тиша, Слуша и Приличия. Эта последняя, Приличия, была самой несносной четырехлетней во всех Пяти Королевствах, вы уж мне поверьте.

– А теперь по поводу питания... – начала я как можно более буднично.

– Питание у нас после работы, – быстро сообщил Маслобой.

Мой живот издал жалкий короткий писк.

В трактире оказалось темно, как вечером, и дымно от коптящего очага. У нас дома в такое время дня трактир пустует, но «Козел-Зубоскал» оказался как минимум наполовину набит народом. Все вкушали полуденную трапезу.

От соленого запаха мяса меня зашатало. Я поскорее схватилась за спинку стула. Непросто выглядеть устрашающе, когда ты в голодном обмороке.

– Эй! – пронзительно проскрипел Маслобой. – Эй, вы!

Болтовня и стук ложек стихли.

Маслобой разгладил фартук.

– Вам всем известно, что случилось с моим прошлым вышибалой, мир его праху, хотя как он угодил в тот кювет, доподлинно знает лишь один из вас...

Так их прошлый вышибала... мертв? Коленки подо мной попытались сложиться назад.

– Но париться не об чем, мужики, потому что новый вышибала уж точно не станет мириться с вашими драками, кражами и привычкой жрать в кредит. Этот – из Старой Лошины, имейте в виду!

Тишина резко стала еще тише.

Накормите меня уже, пожалуйста, готова была взмолиться я, догадываясь, что подобный тактический ход приведет меня напрямик за трактирную дверь, причем кверху ногами. Дело было за малым – убедить их, что я и правда из Старой Лошины. Что ж, сказки рассказывать я умела. Малыши нипочем не уснут без хорошей сказки на ночь.

– Ну, здорово, Гнутая Речка! – величественно изрекла я. – Я прозываюсь Искрой.

Желудок испустил стон, такой громкий, что его впору принять за драконий храп. Я попыталась замаскировать его многозначительным кашлем.

– Как видите, я еще молод, а в молодых Лошинниках сила бродит дикая, неприрученная. Если мне придется с вами драться, я могу вас серьезно покалечить. Так что давайте избегать драк. Любой ценой. Всем, гм, спасибо.

– Эта малявка – Лошинник? – прошептал в полумраке незнакомый доброжелатель.

– Больше похожа на мокрую мышь, чем на мага, – отвечали ему.

– Так что давайте все будем вести себя хорошо, – завершила я уже не так величаво. – Если никто, конечно, не возражает. Пожалуйста.

Я сунула дрожащие руки в карманы и крепко сжала счастливый камень.

– Эй, Всых, – услышала я, – а слабо тебе двинуть ей и поглядеть, что получится?

Много лет назад я нашла на горе свой счастливый камень – черный, большой, как утиное яйцо, с неправильными, гладкими, как стекло, гранями. Тоскливыми зимними вечерами я пускала им зайчики от скудного солнца или от огня в очаге, а малыши их ловили. Вроде бы магия Лошинников как-то связана со светом. Ну что, тряхнем стариной?

Я вышла на самый светлый пяточок во всем трактире, где солнечный луч лился ручьем сквозь окно. Камень при этом держала низко.

– Ты! – ткнула я пальцем в только что захлопнувшего рот мужика.

Он посмотрел на меня, и я пустила ему зайчика прямоком в глаз.

– Ай! – он зажмурился.

– А еще ты, ты и ты! – продолжала я, метко поражая тем же оружием еще три жертвы. – Вас четверых я отметила... моей магией света. Гм. Это был так, пустячок. Поверьте, вам не захочется испытать мой гнев в полную, гм, силу.

Камень я незаметно опустила обратно в карман. Четверо пострадавших прикрывали руками глаза, боясь на меня взглянуть.

– Я не буду вас ослеплять. Сегодня, по крайней мере, – улыбнулась я. – Просто ведите себя хорошо, и вам будет не о чем беспокоиться. Всем все ясно? Ну, вот и славно. А теперь поедем!

Все уткнулись в свои миски, обмениваясь впечатлениями о новом вышибале Лощиннике.

Маслобой достал деревянную посудину и грохнул ее на стойку. Я заинтересованно придвинулась. Он плюхнул туда не один, а целых два половника тушенины, накрыв сверху половиной краюхи темного хлеба с орехами. Из угла моего рта, кажется, предательски свесилась нитка слюны.

– Кушайте, госпожа моя Искра, – сказал трактирщик. – Вечерняя толпа, она пожестче будет.

Я рухнула на табурет и отправила в пасть полную ложку. Тушенина была горячая – дичина, капуста, морковка провели в котле так долго, что разваливались прямо на языке. Слеза скатилась с носа прямо в тарелку, добавочно присолив снедь. Надеюсь, никто не заметил, как свирепый вышибала ревет над едой.

После обеда большинство публики расплзлось обратно на поля да в лавки. Я так и приклеилась к табуретке. Теперь, не рискуя уже помереть от голода, я готовилась помереть от стыда. Лощинник? Ну ты, Искра, даешь!

Когда солнце повернуло на закат, Маслобоевы дочки зажгли лампы; жир в них дымил и горчил. Трактир между тем заполнялся. Все столы сплошняком заняты, все стулья, даже галерея забита не хуже нижней залы.

Лощинник, Лощинник, шептались все под сурдинку.

Впору почувствовать себя червяком в гнезде, полном голодных птенцов.

Широкоплечая мадам подвалила ко мне и уперла кулаки в не менее обширные бедра.

– Лощинник, говоришь? – осведомилась она. – А докажи!

Доказать? Как, интересно? В трактире темно, трюк с солнцем уже не провернешь. Дома, когда малышня выглядела особенно злокозненно, я, бывало, делала грозный вид и орала на них: «Я знаю, чем вы там заняты!» – даже если ничего на самом деле не знала. Зато они пугались и прекращали свои проделки.

Так что я наклонилась к ней и прошептала значительно, но притом как бы небрежно:

– Я знаю, что ты сделала!

И пальцем в нее ткнула. Для остротки.

Сударыня зарделась, глаза потупила и спешно ретировалась. Я выдохнула.

Народ ел. Еще он пел под свирельку. Еще – плясал, пил, горлопанил и толкался. Вот уже и кулаком кому-то прилетело.

– А ну, прекратили! – гаркнула я, взобравшись на свою табуретку.

Дебоширы притихли. Покамест. И надолго меня, интересно, хватит?

– Искра, побеседуй-ка, сделай милость, с господином Хрюком! – воззвал Маслобой из-за стойки. – Господин Хрюк изволил столоваться целый месяц в долг.

Означенный господин оказался раза в два меня выше и в четыре – шире. К тому же в проклепанном кожаном доспехе и с нелепо громадным боевым молотом. Он восседал у стойки, нависая над миской, и пожирал куски тушенины, помогая себе острым костяным ножом. Подливу он хлебал прямо через край, обильно поливая бороду. Борода, впрочем, была так грязна, что от мытья в бульоне могла стать только чище.

– Господин Хрюк, – сказала я самым что ни на есть ледяным тоном. – Немедленно заплатите господину Маслобою.

Хрюк вытер рукавом рот, сурово посмотрел на меня и произнес только одно слово:

– Нет.

Я схватилась за живот. Кажется, под доспехом у меня ничего не было: пустое место и чуть подальше – сразу косточки хребта. Тем не менее я решила еще раз применить указательный палец.

– Что? – спросил господин Хрюк, неодобрительно глядя на него.

– Плати давай! – сказала я и пальца не убрала.

– А то что? – так же лаконично поинтересовался он.

Я понятия не имела, «а то что», слишком засмотрелась на его гриву. Длинную, черную, восхитительно курчавую...

– ...а то у тебя все волосы выпадут! – пролепетала я.

В трактире стало по-настоящему тихо. Хрюк подался ко мне, так что я сумела оценить, насколько от него несет пивом.

– Я сражался в Южных войнах, Искорка, – процедил он, только что не сплюнув мое имя. – И я видывал *настоящих* Лощинников.

Сердчишко у меня заколотилось, будто у кроленя. Я попыталась выдавить улыбку, которая бы доказала, что нет в мире человека увереннее меня... но преуспела, кажется, ровно настолько, чтобы всякому стало ясно: девочке срочно нужно в отхожее место.

– Ну? – ласково спросил Хрюк. – Как так вышло, что волосы все еще при мне?

– М-магию торопить бесполезно! – нашлась я.

Потом я притворилась, что мне и вправду нужно в отхожее, а сама умчалась в темную лесину позади маленького домика на задворках.

Ну что, Искра, опять драпаем? И куда на сей раз? Всего в двух днях от дома припасы мои вышли. Никакой дичи по дороге не попалось, и даже добрые друзья путника – коренья, орехи и ягоды – явно не спешили утолить мой голод. Все три прошедшие ночи я провела, корчась от голода, дрожа от холода и вздрагивая от каждого шороха в лесу – вдруг это Пепельные Налетки вышли на охоту?

Не могла я вернуться домой, просто не могла – даже если братец Горн не прибудет меня за кражу доспехов, даже если я научусь быть счастливой в нашем доверху забитом народом доме, с маменькой, постоянно орущей, чтобы я помогала пасти малышню, чтобы вытирала им носы и попки, чтобы они не утонули чего доброго в речке... Да и не выжить мне без еды на обратной дороге.

Я поглядела на свою обувку (на Горнову обувку, разумеется, плюс два дополнительных носка). Оказывается, я где-то успела наступить на кустик тихомрака. Когда кто-то из нас болел, мама, помнится, давала нам настой этой травки, чтоб мы не маялись целую ночь и спокойно спали.

И я пошла назад, в «Козла-Зубоскала», и даже самолично подала Хрюку добавку. Накрошила ли я каких-то листьев ему в миску? Какие листья, вы о чем?

– На, жри. Но пока не уплатишь Маслобою все до последней монеты, не едать тебе больше в «Козле», – мрачно напрогорила я.

Хрюк расхрюкался от смеха.

Когда трактир закрылся, он, шатаясь, побрел домой. За ним, перетекая из тени в тень, кралась я. Когда за мной скрипнула входная дверь, Хрюк лишь всхрипнул и перевернулся у себя на лежанке.

Опыта мне было не занимать: я частенько помогала папаше стричь овец. Но лишать дурную башку этих смоляных кудрей было куда как жальче.

На следующий вечер, когда Хрюк ввалился в трактир, музыка пискнула и замолкла. Смех, крики – все стихло. Все воззрились на лысый череп Хрюка, такой белый – точь-в-точь зимний заяц.

Его владелец подошел к стойке и угрюмо опорожнил на нее кошель. Маслобой наполнил рог до краев пенистым элем. Хрюк повернулся к честному собранию, высоко поднял рог и проорал:

– За Госпожу Искру, нашего собственного всамделишного Лощинника!

Зал взорвался овациями.

Я покраснела. Не в последнюю очередь – от стыда. Я обещала Маслобойю держать «Козла-Зубоскала» в узде. И неважно, что пользовалась для этого не совсем честными средствами – ведь правда неважно?

Хрюк оттащил меня в сторону и шепнул на ухо, согнувшись для этого вполтину:

– Они хоть обратно-то вырастут?

– А то! – заверила его я.

Он потер лысую макушку и шмыгнул носом.

– Хорошо. Я их типа любил, мои волосы.

Прошло две недели. Я присматривала за порядком в «Козле-Зубоскале». Днем клиентура особых хлопот не доставляла. Я сидела себе на солнышке у окна и потягивала молоко из рога. Еще играла со счастливым камнем: его стеклянистая, граненая тьма, казалось, не отражала свет, а поедала его. Я придумывала про него всякие истории – откуда он, например, взялся? Может, это драконий глаз? Или он раньше был в огненном мече у настоящего Лощинника? Или это окаменевшее сердце Пепельного Налетчика?

Зайчиками в глаза баламутам я больше не развлекалась. После случая с Хрюком хватало ткнуть пальцем и гаркнуть. Ела я трижды в день и начала уже забывать мамин голос, вопящий:

– Искра, ступай, проверь, где там братья!

– Искра, бегом мыть посуду!

– Искра, у меня руки заняты, живо посмотри, кто из детей завонял!

На самом деле я почти совсем не думала о доме.

Пока в один прекрасный день в трактирную дверь не ввалилось самое жуткое зрелище, какое я в жизни видела.

Зрелище выглядело как мой старший братец Горн, в чьем dospехе я имела счастье щеголять и чей меч привела в настолько неудобоваримое состояние, сражаясь с валуном на ближайшей опушке, что засунула его под тюфяк от греха подальше.

Горн методично обшаривал трактир глазами, будто кого-то искал. Интересно, кого? Я отвернулась и с независимым видом двинулась на задний двор.

– Искра!

Я примерзла к месту.

Сапоги Горна протопали по земляному полу. Или это были сапоги братца Бура, раз уж Горновы были на мне?

Тут между мной и Горном, откуда ни возьмись, обнаружился Хрюк.

– Ты на кого попер? Ты на нашего вышибалу попер? Тогда ты на меня попер. Я – *ейный* вышибала.

Никогда еще большой Горн не выглядел таким маленьким.

С Горном мы были ближе, чем со всеми прочими братишками и сестренками. Только мы родились одни, без близнеца.

– Нам, одиноким крошкам, нужно держаться друг друга, – говаривал он.

Ага, пока я не сперла его доспехи и не сбежала посреди ночи.

– Я... я... – это, оказывается, лепетал Горн.

Хрюк уже отстегивал от ремня свой боевой молот.

– Все в порядке, Хрюк, – сказала я. – Это мой брат. Нам надобно перекинуться словечком.

Я потащила Горна за рукав вон из трактира, туда, где сквозь листья пестрело золотом солнце. Он выглядел так знакомо, наш Горн, – глаза темно-карие, у нас у всех такие, над губой и на подбородке уже лезут волосы, на лбу шрам – моя работа, это я с деревянным мечом игралась, уже много лет назад. Так много лет назад... Интересно, я-то хоть чуть-чуть изменилась?

– Если собираешься меня пристукнуть, сделай это тут, будь добр, – сказала я. – А то Хрюк тебя поколотит, полы еще потом мыть.

Горн выкатил на меня глаза.

– Искра, да что вообще происходит? Все решили, что ты ночью пошла в отхожее место и тебя волки съели.

– Да ну? Вот так прям и решили?

Когда тебя съедает дикое лесное чудище – это отличный, очень живописный способ умереть. Хотя лично я бы, конечно, предпочла героически погибнуть за какое-нибудь безнадежное, но жутко благородное дело.

– А потом гляжу: доспехов-то нет. Моих любимых доспехов, на которые я горб гнул невесть сколько, маслом каждый вечер натирал...

– Прости, Горн, – хлюпнула я.

– Почему ты сбежала, Искра? – Брат говорил скорее печально, чем сердито.

– А что, не должна была? Мир полон приключений, а я торчу в этом забитом народом, спятившем доме, смотрю за девятью постоянно дерущимися мелкими спиногрызами...

– ...так что лучше торчать в этом забитом народом, спятившем трактире и смотреть за десятком спиногрызов покрупнее, которые тоже постоянно дерутся?

– Гм... – Да, Горн умеет поставить вопрос ребром.

Что и говорить, меня всегда одолевали мечты о военной славе. В одной я стояла на вершине холма, глядя на целую армию внизу, – и это было совсем не безнадежное дело. В этой мечте я победила! Вот и сбежала из дома в надежде на какое-нибудь крутое приключение. Тут, в «Козле-Зубоскале», отличная стряпня... но вот уписывает ее та же самая девчонка, какой я всегда была, разве нет?

– Пойдем домой, а? – сказал Горн.

Я затрясла головой. Братья вечно ныли по поводу воинской подготовки и хлопот по хозяйству. Но они понятия не имели, что такое быть старшей дочерью в большой семье.

– Мама скучает по тебе, – сказал вдруг Горн. – Плачет по ночам...

Мама скучает? Это по мне-то? Мне шел семнадцатый год. Не думала, что она вообще заметит мое отсутствие.

В глазах у меня защипало. Реветь я не хотела, так что задрала голову повыше: пусть солнце высушит слезы.

– Ты это прекрати, – сказал Горн. – Терпеть не могу, когда ты так делаешь. Это жутко.

Если пялиться на солнце, говорят, можно ослепнуть. Только вот моим глазам это никогда не вредило. Солнце делало меня теплой и сильной, будто его яростный свет наполнял меня изнутри до самой макушки. Мне это так нравилось.

– Я вернусь домой, – я произнесла это совсем тихо, чтобы голос не сорвался. Поверить не могу, что вот так, запросто поставила крест на приключениях... но если мама скучает, дочь всегда вернется домой...

– Искра! – через кусты проломился Хрюк, ревя, как раненый бык. – Пепельные Налетчики скачут сюда!

Горн вскочил с колоды, на которой восседал, споткнулся и наступил со всей дури на мой сапог. На *свой* сапог, между нами говоря.

– Ты сказал, Пепельные Налетчики скачут сюда? – осторожно спросила я.

Вдруг он на самом деле сказал: «Перечные кренделечки...» – а у меня морковь в ушах.

– Ну да! – подтвердил он.

Сердце у меня ухнуло куда-то в Горновы сапоги. Хрюк так и косился через плечо, словно боясь, что Пепельные уже здесь.

– Из Двух Жаб, деревеньки, что к северу от нас, народ прибежал. Налетчики спалили ее дотла. Говорят, они движутся на юг, к нам.

– Какой... какой ужас, – выдавила я. – Самое время мне отправиться домой...

– Но ты же не можешь уйти сейчас! – Хрюк скорчил такую рожу, что борода у него встала дыбом. – Если мы не станем драться, они все заберут, а остальное пожгут. Ты же наш единственный шанс побить их. Ты – из Старой Лощины!

Из Новой, черт меня возьми, Лощины, подумала я, а в Новой магии – примерно как в остывшей овсянке.

– Погоди-ка, – нахмурился Горн, – что ты там сказал по поводу Старой Ло...

Я двинула ему локтем в живот.

– Не сейчас, Горн, не видишь, у нас тут кризис, – сурово отрезала я. – Хрюк, сколько вооруженного народу в Гнутой Речке?

– Да пара дюжин...

Будет ли этого достаточно? Хотели приключение – нате вам. Я мечтала о битве, славной и благородной... но никак не предполагала, что битва найдет меня сама и так скоро. И *НАСТОЛЬКО* славная и благородная.

– Вы не пойдете на Налетчиков в одиночку, – вступил Горн. – Мой меч с честью послужит вам. Ну, то есть когда Искра мне его отдаст.

– Это все очень мило, – Хрюк аж покраснел, – но мы тут с мужиками потолковали в «Козле»... Они очень струхнули – боятся, значит, Пепельных Налетчиков – и решили, что вы бы лучше справились с ними сама, госпожа Искра. Вы и ваш почтенный брат из Старой Лощины.

Я так уставилась на Хрюка, что он отступил на шаг и прикрыл макушку руками, словно боялся, что я тут же, на месте, изничтожу весь черный пух, который как раз начал на ней отращивать. Значит, они с мужиками решили выставить нас с Горном вдвоем против Налетчиков? Чтоб нас на ломтики покровсали?

Чеканя шаг, я ворвалась в трактир, встала на пороге, уперла руки в бока и что было мочи заорала:

– А ну, тихо все! Я с кем сейчас разговариваю? Я сказала, **ТИХО!**

Это было так похоже на маму, что у меня самой мороз пошел по коже. Не хватало только поварешки на длинной ручке, охолонить пару горячих голов.

– Значит, вы хотите, чтобы мы с братом остановили вам целую банду Пепельных Налетчиков? – поинтересовалась я. – Вы, кучка ленивых, испорченных, никчемных паразитов! Да мне стыдно даже смотреть на вас! Поняли? Стыдно!!

Несколько человек повесили головы. Я удовлетворенно кивнула.

– Вам, понятное дело, хочется, чтобы мы волшебным образом заставили их уйти. Так, милые мои, не бывает. Мы встанем с вами, плечом к плечу, но вам тоже придется драться, как сумасшедшим. А теперь быстро все за работу, или, дьявол меня раздери, покатыся головы.

И я так ткнула пальцем, что они закачались!

Вряд ли кто испугался мелкой меня сильнее, чем Пепельных Налетчиков, но кое у кого глаза таки загорелись. Налетчики жгли города десятками, крали все, что не жгли, угоняли людей, оставляя трупы умерших с голоду по всем дорогам. Но горожане меня услышали – более того, они меня послушались. Что за милые люди, право слово! Не хотелось бы увидеть на месте их домов пепелище.

А ведь мне понадобится кое-что посерьезней счастливого камня и пригоршни тихомраковых листьев! Пепельных Налетчиков такими дешевыми трюками не проймешь. С Хрюком и Горном мы каждому выдали задание: собирать оружие и инструменты, копать канавы, намазывать на стрелы вымоченные в эле тряпки, возводить баррикаду поперек главной дороги с северной стороны города.

Окрестных крестьян мы согнали в город. Двое суток все Гнутореченцы торчали на центральной площади, по очереди готовя снедь, расчищая, стирая, запасая, копая и неся стражу.

А поутру девчушка с правильным именем Разведка сломя голову прискакала со своего поста.

– Они уже здесь! – пискнула она, едва переводя дух. – Они...

Вот такой у нас нынче сигнал тревоги. Из-за горизонта и вправду текли Пепельные Налетчики.

Они ехали на конях и быках. Они были одеты в черное. Их лица и волосы были вымазаны пеплом – пеплом сожженных ими городов. Солнце сверкало на мечях и молотах, на топорах и наконечниках стрел. Я попробовала их сосчитать, но у меня зарябило в глазах.

Городские сгрудились позади баррикады из перевернутых телег. Думаю, не одну меня бил озноб под жаркими лучами солнца.

– Как думаешь, это приключение? – спросила я Горна.

– А то, – тихо сказал он.

– Мне должно быть весело?

– Пока еще нет.

– Хорошо, а то я уже забоялась, вдруг делаю что-то не так.

Я вышла вперед.

– Я из Старой Лощины! Отступите, пока можете!

Они продолжали мчаться на нас. Ну, стоило хотя бы попробовать, попытка не пытка.

Верховой Налетчик вынесся на середину улицы... и исчез. Я устала туда палец, словно сама, своей невероятной магической силой, заставила его пропасть. На самом деле, я велела Хрюку со товарищи накопать глубоких канав в произвольных местах, залить их водой и накидать сверху грязи, для маскировки. Еще один Налетчик провалился в водяную яму. И еще. Я тыкала пальцем. Я продолжала тыкать.

Врагов это не обдурило. Они продолжали прибывать. Наши лучники запалили стрелы, согнули свои ростовые луки и выстрелили по высокой дуге.

– Ага! – завопила я. – Бойтесь магии света из Старой Лощины!

Некоторые из стрел попали в скачущих, черные одежды занялись. Но волна продолжала катиться на город.

У меня в запасе остался только один трюк. Я сделала знак Горну и остальным, и мы подняли щиты. Из гладко отполированного металла. Вся детвора города два дня натирала их до нестерпимого блеска. Мы сдвинули щиты, отражая солнце прямо в глаза авангарду Пепельных Налетчиков.

– Я ослепляю вас! – кричала я. – Я лишаю вас зрения своей магической силой!

Несколько всадников сломались и повернули назад. Остальные не испугались. Они заслонили глаза и продолжали наступать.

– Госпожа Искра? – подал голос Хрюк. – Сделайте милость, разрешите мне...

Я не хотела говорить «да». Я хотела быть настоящим Лощинником и победить всех сама. Но я кивнула.

Хрюк вскинул молот и заревел. Две дюжины его людей кинулись вперед и налетели на авангард. Хрюк снес двоих одним взмахом. Но наступающих было слишком много.

Меня потянули за рубаху (за Горнову рубаху, если между нами). Разведка смотрела вверх, и в глазах ее была мольба.

– Там вон мой папаша, – сказала она и ткнула в худющего мужика с седоватой бородой.

Вооруженный кочергой, он стоял среди тех, кто в атаку не пошел.

– Он говорит, ему придется сражаться, раз уж твоей силы не хватает. Но ее же хватит, правда? Ты не заставишь его идти в бой? Ты же сама остановишь Налетчиков, потому что ты из Старой Лощины, да?

Ну почему вранье не может иногда обернуться правдой?

Я уставилась на движущуюся на нас черную стену супостатов. Ей не было конца и края. Хрюкова отряда просто не хватит...

– Отступаем! – гаркнула я горожанам.

Воины дадут нам время увести остальных подальше. Гнутую Речку придется оставить.

Мы бросились бежать от Налетчиков... но тут внезапно оказалось, что мы бежим к ним навстречу. Потому что еще один отряд как раз входил в город с другой стороны. Море мрака окружало нас, теснило к центру. Нет, они не просто заберут все, что смогут унести, и сожгут город. Они сожгут и жителей прямо в домах.

Я не могла этого допустить. Просто не могла, как хотите. Я должна была что-то сделать, что-то сделать, что-то...

Я вцепилась в счастливый камень у себя в кармане. Солнце сияло сверху, грело меня; его жар держал меня за макушку, будто ладонью.

Из гущи боя ко мне прорвался Горн.

– Я обещал маме, что доставлю тебя домой. Скорее! Мы тут не победим, Искра. Они – как сама ночь.

Ничто не остановит ночь – кроме солнца.

Я бросилась к тележной баррикаде. Я лезла и лезла, я вылезла наверх и высоко подняла свой счастливый камень. Ну, что, Искра, превратим ложь в правду?

– Искра!

Я слышала, как Горн зовет меня снизу. Это так здорово, что он боится за меня, но мне больше нельзя опускать взгляд. Мы с солнцем всегда были будто одной крови, так что я просто пошла за безумным, щекотным чувством, что солнце – свое, что оно может помочь. Я представила, как камень не просто отражает его свет, но прямо засасывает его в себя. Ладонь и пальцы жгло, но это было хорошо, это было приятно, как взять в руки кружку горячего молока, наигравшись в снегу.

– Искра! Слезай скорей!

Черный камень озарился изнутри.

Отряд вражеских лучников галопом несся к баррикаде – тетивы натянуты, наконечники сверкают, целят в меня.

– Прочь! – прокричала я.

Они не остановились. Они выстрелили.

И я выпустила солнце.

Огонь взорвался в камне и ударил из моих пальцев. Раскаленный добела свет встретил стрелы на полпути и поглотил их. Волна покатилась дальше, шипя и скворча, накрыла всадни-

ков. Раздались крики ужаса. Кони визжали и били копытами. Черные одежды задымились, с волос струйками потек пепел. Авангард противника бежал.

– Хрюк, поворачивай назад! – заорала я.

Он со своими людьми отступил, а я затащила еще солнца в камень и выпалила по вражеским мечникам. Свет с треском пронесся прямо у них над головами и обратил в бегство.

Я прицелилась по всадникам, окружившим горожан и теснившим их в угол.

– Убирайтесь! – скомандовала я.

Когда следующий белый сполох догнал оставшихся Пепельных Налетчиков, те уже покидали город. Через несколько мгновений из виду скрылся последний.

После вспышек я почти ничего не видела. Несколько раз старательно сморгнув, я отпустила взгляд. Снизу на меня таранился весь город.

– Так я говорю, – подытожил Хрюк, – именно такое вот они и вытворяли. Лощинники. В Южных войнах.

Горн вскарабкался ко мне поближе. Рот у него не закрывался, глаза не уступали ему размером.

– Когда я уходил, мама сказала, что назвала тебя Искрой, потому что в тебе была искра. Я тогда не понял, о чем она толкует.

Вы себе не представляете, как правильно все это ощущалось. Явь вела себя в точности как мои мечты.

В Гнутой Речке мы задерживаться не стали. Я пообнималась и расцеловалась со всеми завсегдатаями «Козла-Зубоскала». Выдавая мне припасов на неделю, Маслобой хлюпал носом. Хрюк проводил до границ города и махал вслед, пока его новые черные кудряшки не пропали вдали.

Мы с Горном возвращались домой. Нельзя, чтобы мама из-за меня грустила. Но по дороге мы обязательно завернем в Старую Лощину. Так, поздороваться. Ну, и спросить заодно про мой счастливый камень и про то, как я поймала солнце.

Д. Дж. Макхейл

Скаут

Кит остался один, предоставлен сам себе.

И это была его первая ошибка.

Кит был не из тех, кто подчиняется правилам, — особенно если не видит к этому никаких достойных причин. Нет, бедокуром его никто бы не назвал, но в отличие от большинства друзей, слепо слушавшихся старших, он принимал все решения, руководствуясь здравым смыслом... даже если был один в поле воин.

Это его злосчастное приключение началось вполне невинно — в походе с отрядом скаутов. План был таков: тринадцать скаутов и двое вожатых отправляются в двухдневный поход по скалистой пустыне с целью отработать навыки выживания в полевых условиях. Никакого смысла в этом Кит не видел — разве что очередной значок заработать, а мало что на свете волновало его меньше, чем значки. Над скаутами, которые с гордостью демонстрировали орденские ленты, доказывавшие, что они способны проплыть целую милю, умеют оказывать первую медицинскую помощь в случае мелких ссадин и царапин или с мастерством, достойным лучшего применения, попадают в яблочко, он только посмеивался. Нет, сам он все это умел и получше некоторых. Просто Кит не видел смысла выставляться и хвастать достижениями, собирая разноцветные значки. Он сам прекрасно знал, на что способен, и этого ему вполне хватало.

У вожатых на этот счет было другое мнение. Они желали, чтобы их юные подопечные соревновались друг с другом, по каковой причине Кит и очутился посреди раскаленной пустыни с легким рюкзаком и в компании еще двенадцати чрезвычайно потных товарищей по несчастью. Он бы с радостью оказался сейчас где-нибудь еще — да где угодно еще на самом деле! — но при двух вожатых, обладающих зоркостью стервятников, уклониться от бессмысленного и беспощадного подвига не было никакой возможности.

Начать с того, что в пустыне было жарко. Мучительно, отвратительно, обморочно жарко. И, разумеется, это не мешало вожатым тащить их все глубже и глубже в пекло — пять миль, десять миль... Они брели мимо высящихся башнями скал и перебирались через высохшие, как старые кости, речные русла. Нормы потребления воды — совершенно дикие. Каждому скауту выдали маленькую бутылочку, которую нужно растянуть до тех пор, пока отряд не найдет природный источник. В пустыне. Что само по себе — та еще задачка. Вожатые проинструктировали держать во рту камешки и усердно их сосать, чтобы слюнные железы продолжали работать и во рту сохранялась влажность. Кит и тут был на полкорпуса впереди. Он нашел себе подходящую пару голышей задолго до того, как вожатые соизволили поделиться этой вселенской мудростью. Если бы задача была действительно выжить в полевых условиях, думал Кит, они бы не ковыляли, как идиоты, под палящим дневным солнцем, а сидели бы где-нибудь в тени, чтобы сберечь силы и уменьшить потоотделение. Но это было чужое шоу, так что он просто шел себе вперед.

Тень он, впрочем, искал везде, где можно, — даже если ради этого приходилось сделать несколько лишних шагов. И в отличие от прочих, балагуривших и смеявшихся с самого начала, он и рта не раскрывал. Интересно, думал Кит, вожатые отдают себе отчет, сколько драгоценной энергии расходуется впустую на болтовню. Видимо, смысл в том, чтобы как следует измотать детей и заставить их переделать все самые глупые ошибки. Но зачем? Еще один тест? Новое соревнование? Или это просто такая забава — довести отряд до грани истощения и обезвоживания? Выходило, что так. А может, вожатые у них не умнее скаутов — и такое бывает. Но, так или иначе, одно Кит решил твердо: всему, что способно сделать и без того паршивое путешествие еще хуже, — решительно отказать. Вот поэтому он помалкивал и сосал камешки.

Очутившись в пустыне глубже, чем Киту до сих пор доводилось забираться, они, наконец, узнали об истинной цели похода. Конечно, еще одно соревнование. Вожатые разделили отряд пополам, взяли каждый свою половину и отправились в противоположных направлениях. Которая команда покажет лучший результат, ту в лагере по возвращении ожидает невиданный пир. Второй суждено глядеть и облизываться.

Кит понятия не имел, кто станет судить состязание, по каким критериям и каков должен быть этот самый результат. Честно говоря, ему было плевать. Во всем этом дебилизме содержалась... возможность. Скаутов разделили пополам: семь человек – в одной группе и шесть – в другой. Кит постарался оказаться в той, где семь. Не успели они разойтись, как Кит подрулил к вожатому и испросил разрешения перейти в *другую* команду. Он объяснил, что его друг попал туда, а он, Кит, беспокоится, как бы с парнем ничего не случилось, а потому и просит перевести его, чтобы приглядывать за бедолагой. Вожатый похвалил его за лидерские качества и умение брать ответственность за других и отпустил восвояси.

Никакого друга в той команде у Кита, понятное дело, не было, и догонять он никого не собирался. Он собирался просто вырваться на свободу. Так что пусть первый вожатый думает, что он – со вторым, а второй – что с первым, а Кит останется один и будет предоставлен сам себе.

Убедившись, что удалился за пределы видимости обеих групп, Кит нашел себе тенок, снял рюкзак и развалился на земле. Перспектива двух дней в пустыне его не пугала, да и куда лучше пережить их самостоятельно, чем в компании тупых и беспомощных новобранцев.

Кит решил залечь на дно, сберегая силы и воду, а потом вернуться в лагерь и объявить, что выжил сам, без посторонней помощи. Кто знает, может, его после такого еще и победителем соревнования объявят.

Кит задрал ноги и расслабился. В первый раз за долгие часы ему стало хорошо, да и приключение в пустыне отсюда выглядело совсем не такой уж пыткой. Правила – на то и правила, чтобы обращаться с ними разумно.

Покопавшись в рюкзаке, он выяснил, что начальство заботливо снабдило его рядом незаменимых для выживания предметов: большим мотком легкой веревки; тонким отражающим одеялом; элементарной аптечкой первой помощи; кремнем и кресалом для высекания огня; небольшим охотничьим ножом и устройством связи на случай острой необходимости. Если он влипнет в реальные неприятности, можно будет вызвать помощь. Вожатые, может, и хотели довести скаутов до ручки и проверить, сумеют ли они выжить в суровых условиях, – но доставить группу в лагерь живой и в прежнем составе тоже, со всей определенностью, входило в задачу.

Пользоваться связью Кит не собирался. Светит ему там новый значок или даже суперужин или нет, а справится он точно сам.

Прекрасно зная, что с наступлением ночи сковородочный зной сменится зубодробительным холодом, Кит воздвиг простейшее укрытие из веток, прислоненных к ржавого цвета вертикальной скале. Он даже нашел довольно щепы для растопки и крупного сушняка – кормить огонь. Несколько чирков металлом об камень, и вот она, искра, а там уже и костер уютно потрескивает и обещает не дать ему замерзнуть за долгую пустынную ночь.

Закат свалился стремительно. Он был ошеломляюще красив, с длинными полосами апельсиновых и сиреневых облаков над дальними горами. Когда солнце нырнуло за горизонт, с ним же туда нырнула и температура, но с шалашом и костром Кит чувствовал себя надежно и даже вполне уютно. Он собирался встать пораньше и поискать еды и воды в прохладные утренние часы... хотя особенно об этом не думал. Даже останься он с пустыми руками, все равно все будет в порядке. С голодом он уже водил знакомство, спасибо, так что каких-то там два дня не составят проблемы.

Кит положил голову на рюкзак и растянулся в шалаше – что ни говори, а ты сам себе лучший собеседник. В голове было ясно, и мысли снова обратились к непростому решению, которое он так и эдак вертел в голове уже не первый месяц: Кит хотел уйти из скаутов. Родители заставили его вступить. Говорили, долг каждого мальчика – отслужить. Ну, Кит и ввязался, чтобы предки были счастливы, хотя душа у него никогда к этому не лежала. Ему нравилось торчать все время на улице, да и друзей малость прибыло, но чертов режим и все эти учения военного образца ему совершенно не нравились. Не его это, просто не его. Предки, конечно, расстроятся, и вожатые все мозги ему пропесочат, убеждая остаться, но Кит сильно сомневался, что сумеет продержаться до конца миссии.

Ага. Вот оно. Его миссия.

Единственная причина, по которой он торчал у скаутов так долго.

Кит улегся на спину и вперил взгляд в ночное небо. Тут, в пустыне, где цивилизация не мешает своим рассеянным светом, звезд гораздо больше – он и не упомнит, когда видел так много! Бесконечный полог огней, от горизонта до горизонта. Воздух был так невероятно ясен, что Киту чудилось, будто так можно доглядеть до противоположного края вселенной, сквозь все эти созвездия и галактики. Бесконечность одновременно восхищала и угнетала; Кит пытался представить, сколько разных миров он сейчас видит. Сколько цивилизаций! Сколько народов? Сколько жизней начинается и заканчивается в этот самый момент? Сколько из этих мигающих точек таит в себе жизнь, а сколько – так, клубы раскаленного газа... и сколько человек сейчас глядит оттуда на него, думая о том же самом? Возможно, он смотрит сейчас на миллиарды обитаемых миров... но представить такое было нелегко – очевидных признаков жизни-то нет.

Или есть?

Одинокая сверкающая звезда двигалась по небу. Кит решил было, что его глаза вздумали шутки шутить. Может, это остаточное оптическое явление, след от другой яркой звезды? Он несколько раз поморгал. Нет, звезда продолжала двигаться, быстро и равномерно. Кит сел и провожал ее глазами, пока она не скрылась благополучно за далеким горным хребтом. Зрелище основательно выбило его из колеи. Одно дело – валяться на песке, любясь миллионами звезд, и умозрительно рассуждать о том, есть ли на них разумная жизнь, и совсем другое – глядеть, как эта самая жизнь деловито чешет мимо по своим делам. Что это могло быть такое? Спутник? Орбитальная космическая станция? А может, корабль с другой планеты, завернувший на огонек посмотреть, как тут идут дела?

Эта летящая по небу искорка разожгла в голове у Кита пожар. Там и правда есть жизнь! Он это знал! Все это знали! Дотянуться до нее – вот о чем он мечтал с тех самых пор, как достаточно вырос, чтобы заглянуть в окуляр телескопа. И амбиции эти никуда не делись – простого движущегося огонька хватило, чтобы напомнить о них... и поставить под вопрос решение уйти из скаутов. Можно сколько угодно не любить их методы и заскорузлые правила, но, куда ни плюнь, это лучший шанс добраться до звезд.

Возможности так и роились вокруг, какой уж тут сон. Это и хорошо – Кит любил думать и решать сложные задачки, а что может быть лучше для думания, чем одиночество и звездное небо над головой? Он раскинулся на спине, предоставив мыслям парить в блистающих высях, и, в конце концов, уснул.

Кит проспал бы всю ночь и добрую часть дня, если бы не громкий взрыв, разнесший вдребезги тишину пустыни. Он резко сел и впечатался головой в свод шалаша. Что это было? Звук ему не приснился – эхо до сих пор гуляло над бесплодным пейзажем. Утро уже наступило. Солнце едва выкарабкалось из-за гор, и дневная температура еще только готовилась к неизбежному восхождению. Кит поежился. Костер давно уже прогорел, а тонкая скаутская форма, может, и рада была согреть молодые кости, да не умела.

Мелкие неудобства недолго занимали его мысли. Кит вскочил на ноги и живо вскарабкался на скалу, к которой вчера прислонил свой навес. Встав на вершине и приложив ладонь козырьком к глазам, он медленно обозрел горизонт, выискивая, что это могло так бумкнуть. Смотреть было решительно не на что: мили и мили сухого кустарника, песка и камней. Он подождал: вдруг еще чего-нибудь взорвется? Ни звука – только пение ветра и далекие крики птиц, озабоченных поисками завтрака.

Кит почесал в затылке и уже собирался спрыгнуть вниз, как вдруг краем глаза засек движение. Причем не на земле – в воздухе. Там объявилась черная точка, на первый взгляд похожая на высоко парящую птицу. Некоторое время Кит с интересом разглядывал мнимое пернатое, как вдруг понял, что оно приближается. И быстро. Что бы это ни было, оно, судя по всему, не обладало никакими аэродинамическими свойствами, то есть, проще говоря, падало... прямо на голову Киту!

По статистике, встретиться с падающим метеоритом куда сложнее, чем заработать удар молнией, но проверять свои шансы Киту почему-то не улыбалось. Он поскорее спрыгнул со скалы и постарался слиться с нею – так надежнее.

Таинственное воздушное тело между тем увеличивалось. Если это и правда метеор, подумал Кит, тот взрыв как раз мог означать преодоление звукового барьера при входе в атмосферу.

Но уже можно было разглядеть детали, недвусмысленно доказывавшие, что никакой это не метеор. Слишком уж идеальной он был формы – как будто слеплен из нескольких одинаковых шаров, вместе похожих на гроздь винограда. Значит, он рукотворный. Тут Кит снова вспомнил ту звездочку, летевшую по небу. Может, это он и был? Падающее устройство вполне могло оказаться спутником, сошедшим с орбиты: сила тяжести ухватила его и притянула обратно, домой.

Предполагаемый спутник тем временем собирался разминуться с Китом на какие-нибудь несколько сотен ярдов. Уверившись, что опасность ему не грозит, Кит вылез обратно на скалу – оттуда можно без помех любоваться приземлением. Интересно, остальные скауты тоже это видят... где бы они там сейчас ни гуляли? Должны же они были услышать, как на рассвете распорол воздух.

Еще несколько секунд, и оно ка-а-ак рухнет! Кит уже приготовился к живописному столкновению объекта с землей. Наверняка шары рассыплются и раскатятся по пустыне. Он даже пригнулся и немного напрягся, готовый нырнуть в сторону, если в него вдруг полетят обломки.

Раздался короткий свист... и столкновение произошло.

Только вот объект не разбился. Он отскочил! Вся махина снова взмыла в воздух – целой и невредимой. Гроздь шаров бешено крутилась и кувыркалась в воздухе и больше походила при этом на детскую игрушку, чем на таинственный аппарат, прилетевший прямиком из космоса. И взлетела она невозможно высоко – правда, потом сила тяжести все-таки взяла свое и снова ударила ее оземь, но лишь затем, чтобы опять отпустить.

Кит соскочил со своей смотровой площадки и припустил в сторону странной штуковины.

Гроздь продолжала весело прыгать, каждый раз взлетая пониже и ударяясь о землю послабей. Вскоре она совсем освоилась и покатила с кочки на кочку по неровной поверхности пустыни, затем натолкнулась на каменную гряду, отскочила, нерешительно покачалась на краю широкой сухой промоины, где некогда текла река, перевалилась через обрыв и ухнула куда-то вниз.

Кит кинулся туда, скользя по наждачному песку, перепрыгивая через камни и уворачиваясь от скрюченных древесных стволов. Разумный расход сил и драгоценной жидкости больше его не волновал – любопытство пинками изгнало их из головы и заняло все освободившееся место. После пятиминутного спринта он притормозил у края оврага, в который свалилась загадочная штука. А что, если это потерпевший аварию космический корабль? Тогда там могут

быть ядовитые пары, или разлитое топливо, или еще какие-нибудь опасные субстанции, которых скаутам положено избегать. Им достаточно рассказывали про такое на теоретических занятиях. Кит перешел на шаг, потом аккуратно подкрался к обрыву и заглянул вниз.

Аппарат, или чем он там был, лежал, привалившись к дальнему берегу глубокого сухого оврага. Ни шипения, возвещающего об утечке газа, ни тиканья остывающих механизмов слышно не было. Объект выглядел максимально *низкотехнологично* – низкотехнологичней не бывает! – и откровенно походил на исполинскую виноградную гроздь. Каждая темно-серая виноградина насчитывала пару футов в диаметре, так что все в целом размером было с небольшой грузовичок. Ни цифр, ни опознавательных знаков. Две сферы при приземлении повредились и висели теперь, как сдутые воздушные шарик. Это уже о многом говорило. Устройство предназначалось именно для того, что оно и сделало, – удариться и отскочить. Судя по локмотьям, сферы состояли из чего-то мягкого, но эластичного. За испорченной парой виднелся какой-то проем, образовавшийся, видимо, в результате неаккуратного приземления.

Кит соскользнул с почти вертикального края оврага и очутился на дне. Отсюда странная штука казалась гораздо крупнее, чем сверху. И страшнее. Медленно, осторожно Кит двинулся к ней, не отрывая глаз от дыры в боку, через которую можно было заглянуть внутрь. Вряд ли там мог остаться кто-то живой. Никто не выживет после такой суровой посадки.

Кит подкрадывался и подкрадывался. Остановившись в нескольких футах, он встал на одно колено, наклонился как можно ниже и уставился в глубь дыры.

Ну, там было темно. Вот и все, что он увидел.

Кит вытянул руку и потрогал один из шаров. Тот и вправду оказался мягким и сильно изорванным.

Одинокий зеленый огонек мигнул внутри. Кит так и подскочил от неожиданности и приземлился, вполне предсказуемо, на задницу. Он быстро, по-крабьи, отполз от объекта, испугавшись... а, собственно, чего? Инопланетной твари с мозгами всмятку, которая выскочит оттуда и схватит его?

Мгновенье спустя изнутри донеслось хныканье возвращающейся к жизни техники. Там что-то происходило. Разрываясь между страхом и любопытством, Кит замер на месте как вкопанный – ни то, ни другое чувство к движению не располагало.

Жужжание меж тем нарастало. Что бы там ни было, оно явно пыталось снова завестись.

Раздалось громкое металлическое клацанье... после чего машина охнула и развалилась. Словно там внутри перерезали ниточки, связывавшие все шары вместе. Шары тут же раскатились по оврагу во все стороны, отскакивая от чего только можно. Один подкатился прямо к Киту, и тот инстинктивно отпихнул его. Ну, да, с виду они безобидны, но никогда ведь не знаешь, где тебе повезет. Шары весело сталкивались и катались, будто великанские мячики, пока, наконец, не уgomонились.

От объекта осталась жесткая металлическая рама, похожая на скелет. Внутри ее, прямо на земле, стояла большая игрушка.

Это оказался миниатюрный грузовик, но ничего подобного Кит раньше не видел. Пара футов высотой, шесть колес со спицами – и, судя по всему, нет такой поверхности, с которой они бы не справились. Над колесами – плоская черная прямоугольная платформа дюймов десять в толщину с очень гладкой поверхностью. Ее окружали бегущие вдоль бортов серебряные трубки, по три одна над другой. Из-под платформы, оттуда, где были колеса, шел зеленый свет.

Настоящий крошечный внедорожник!

Кит сел на песок, восхищенно разглядывая машинку. Откуда она тут взялась? Сбежала из какой-нибудь военной лаборатории? Или это часть скаутской программы по выживанию в полевых условиях? Или еще что-нибудь, уже совсем невероятное? Может, оно из космоса? Почему тогда приземлилось именно здесь? По ошибке или специально?

Аппарат не двигался. Кит тоже. Вопросов у него накопилась куча, а вот ответов – ни одного. Ничего, зато он знает, как начать спрашивать! Он полез в карман туристских штанов и достал коммуникатор. Скаутам строго-настрого приказали пользоваться им только в случае крайней необходимости. В том, подпадает ли под эту категорию данная ситуация, Кит уверен не был, но его это нимало не заботило. Он нажал кнопку питания и подержал, ожидая, пока устройство проснется. Надо сообщить о крушении вожатым в головном лагере и потребовать выслать команду для расследования происшествия. Они смогут определить его местонахождение по сигналу коммуникатора.

Надо думать, практикум по выживанию можно считать оконченным.

Кит поглядел на коммуникатор, ожидая увидеть привычные иконки, ведущие к разным функциям. Но на экране были только помехи. Кит потряс устройство – оно снова его проигнорировало. Заряд есть, а функций нет. Надо выключить и включить еще раз...

...и тут жужжание маленькой машинки стало определенно громче. Колеса остались на месте, а вот платформа над ними медленно повернулась на сорок пять градусов и остановилась. Серебряные трубки, окаймлявшие борта по длинной стороне, отделились от корпуса и вытянулись три вперед и три назад.

Те три, что вперед... уставились прямо на Кита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.